

Г. П. ЕНИН

ВОЕВОДСКОЕ ПРАЗДНИЧНОЕ КОРМЛЕНИЕ В НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XVIII в.

Советские исследователи, изучавшие реформы Ивана Грозного, пришли к выводу, что земская реформа 1555—1556 гг. закончилась ликвидацией кормления как способа обеспечения служилых людей, получавших в виде награды за ратную или иную службу во временное управление население определенной местности с правом содержать за его счет себя, свою семью и дворовых людей.¹ С наибольшей отчетливостью этот вывод сформулировал С. Б. Веселовский: «В некоторых местах реформа затонула, но в общем с кормлениями как системой было покончено».² По его мнению, «приговор царя Ивана и бояр 1556 г.» означал конец «многовековой практики кормлений».³

Однако множество разнообразных источников свидетельствует о том, что практика кормлений не только не была уничтожена земской реформой 50-х годов XVI в., но еще на протяжении веков была заметным явлением российской действительности. Сведения о получении должностными лицами кормов с населения и на законном основании, и незаконно содержатся прежде всего в документах, опубликованных самим С. Б. Веселовским.

Здесь имеются в виду не отдельные случаи явных пережитков упраздненного наместничьего кормления, такие, например, как случай с кормлением кравчего М. М. Салтыкова: в 1613—1614 гг. ему был дан, и в январе 1623 г. «государь указал Гороховец посал и уезд со всякими наместничьи и с кравчего пути доходы, и с кабаком, и с тамгою отписати и велати на себя, государя, потому что кравчего Михаила Михайловича Салтыкова пожаловал государь, велел быть в окольных».⁴ Речь идет о существовании кормления как типичного явления XVII—XVIII вв., частично узаконенного, частично со-

¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 432—440; Носов Н. Е. Ставропольские синодально-представительные учреждения в России. Л., 1969. С. 384.

² Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 264.

³ Там же.

⁴ Веселовский С. Б. Акты шведского дела. Материалы для истории воеводства и приного обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. I. С. 199.

хранившейся в качестве незаконно продолжавшей традиции наместничьего кормления.

Узаконенную форму имело на протяжении всего XVII в., в частности, кормление описывавших территорию и население страны писцов и дозорщиков. Все они, направляясь в уезды, получали в приказах кормовые грамоты, предписывавшие населению ежедневно снабжать их продовольствием в указанных размерах. Так, например, 19 декабря 1617 г. в Новгородской чети была выдана кормовая грамота ехавшему в Нижний Новгород дозорщику Алексею Голохвостову, в которой нижегородцам предписывалось следующее: «...и вы б по нашему наказу во всем слушали, и корм ему по сей нашей грамоте давали по нашему наказу, на день по полтуше боранье, да по двое куров, да хлебу и калачей, как ему мочно енту быть, да луку, и чесноку, и сметаны, всего на 2 деньги; а в посной день рыбные есты давали б есте ему, счѣтчи против мясные есты ценою».⁵

Размеры кормов до 1627 г. не были одинаковыми для разных местностей. Они зависели от возможностей населения разных уездов, весьма неодинаковых после трудных лет Смутного времени. Лишь 19 июня 1627 г. патриархом Филаретом были установлены единые для всех писцов размеры кормов,⁶ сохранившиеся с небольшими отличиями в отдельных случаях практически до конца века.⁷

Писцы редко довольствовались назначенными им кормами. Как правило, они широко пользовались своим правом определять размеры налогов для получения в виде «посулов», взяток и насильственных поборов дополнительных доходов, зачастую многократно превышавших указанные в грамотах «кормы».⁸

Еще большими возможностями в этом отношении обладали воеводы. Кормовых грамот они не получали, а в воеводских наказах им прямо запрещалось собирать «кормы», но сосредоточенные в их руках административная, полицейская, судебная власть и фискальная политика (в целом мало уступавшие властным полномочиям наместников) создавали воеводам благоприятнейшие условия для еще более сытого, чем у писцов, кормления.⁹ Вот как описывают жители Великого Устюга затраты на кормление воеводы, которого они отнюдь не обвиняют ни в каких злоупотреблениях, а просто сообщают о своих расходах на его содержание, видя в них одну из причин накопившихся недоимок: «...воеводам (и женам их, и детям, и людям) денежные почести и на пиво, и на меды, и на мяса, и на рыбу, и за заборной посушной хлеб, и на свечи салные, и на дрова, и на всякие мелкие расходы выходит по 1857 рублей на год».¹⁰

Сохранение кормлений в практике воеводского управления отметили еще исследователи XIX в. Так, А. Д. Градовский, рассматривая характер взаимоотношений воеводы с подвластным ему на-

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 524.

⁷ Веселовский С. В. 1) Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. Вып. 1. Акты 1627—1649 гг. М., 1917. С. 473; 2) Акты писцового дела 60—80-х годов XVII века. М., 1990. С. 17.

⁸ Веселовский С. В. Акты писцового дела: Материалы. Т. 2. Вып. 1. С. 366—405.

⁹ Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 171, 374—377.

¹⁰ Веселовский С. В. Акты писцового дела 60—80-х годов XVII века. С. 165.

селением в XVII в., писал: «Воеводы, „норовя“ посадским, пользовались великими кормами и посулами».¹¹

Безоговорочно признавал кормленный характер воеводской деятельности В. О. Ключевский, который считал, что «для местного населения воеводство стало не только восстановлением, но и ухудшением наместничьего управления».¹² Важное доказательство существования воеводского кормления в XVII в. он усматривал в сохранении самого понятия кормления: «В своих челобитных о назначении соискатели воеводских мест так напрямки и просили отпустить их в такой-то город на воеводство „покормиться“».¹³

Таким образом, представление о воеводском управлении как об административной службе, оплачиваемой самим управляемым населением, сохранилось и у претендентов на воеводство, и у мирских людей, исправно поставлявших «корма» воеводам, и у правительства. К такому выводу пришел М. М. Богословский, анализирувший структуру воеводской власти XVII—начала XVIII в. По его наблюдениям, всем было «хорошо известно, что безвозмездное воеводское управление служило обильным источником частного дохода», и это свидетельствовало «о признании такого характера кормления за воеводской должностью со стороны самого правительства, если не в прямом, то в косвенном».¹⁴

Ю. В. Готье убедительно доказал, что данный вывод полностью справедлив и применительно к XVIII в.: «...получение места воеводы или воеводского товарища, хотя бы в самом скромном уголке, всегда оставалось самой желанной перспективой»,¹⁵ ибо означало «перспективу различных „акциденций“, которые могли всякое воеводство сделать похожим на старорусское кормление».¹⁶ Правительство хотя и издавало многочисленные указы, осуждавшие, запрещающие поборы с населения и грозившие суровыми наказаниями непослушным, вынуждено было мириться с кормлением местных администраторов. Состояние государственного бюджета не позволяло содержать местные органы власти за счет казны. Это наглядно проявилось в событиях 1726—1727 гг., когда большинству служащих административных учреждений было отменено денежное жалование, введенное Петром I. Им рекомендовалось «дополствоваться от дел».¹⁷

Таким образом, дворянское государство в XVIII в. законодательно признало за самой многочисленной частью чиновников «право брать взятки с жителей и частично поостановило практику кормления».¹⁸

Не приходится сомневаться в том, что кормления XVII—XVIII вв. отличались от кормлений XIV—XVI вв. Общее отличие вытекает уже

¹¹ Грабинский А. Д. История местного управления в России. С. 171.

¹² Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937. Ч. III. С. 160.

¹³ Там же.

¹⁴ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинции 1719—27 гг. М., 1902. С. 260.

¹⁵ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. I. С. 220.

¹⁶ Там же. С. 214.

¹⁷ ИСЗ. Т. VII. № 5039.

¹⁸ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 256.

из того, что кормления до земской реформы Ивана Грозного были органичным явлением удельной системы, узаконенной нормой, по которой наместник имел право собирать налоги и пошлины прежде всего для себя лично. Воеводы обязаны были все сборы совершать только на государя, но, пользуясь молчаливым, а с 1727 г. и гласно выраженным согласием правительства, осуществляли кормление, производя сборы с населения еще и на себя.

Между тем, коль скоро кормление в XVII—XVIII вв. является установленным фактом, возникает вопрос, в каких формах оно существовало, имеется ли связь — и какая — между воеводскими «посулами», «поминками» XVII в., более благозвучными «акциденциями» XVIII в., а часто и никак не названными в источниках воеводскими наборами и наместничьими доходами XIV—XVI вв.

Вполне допустимо предположить, что, исходя право на кормление в целом, воеводы сохранили и способы его реализации наместниками через взимание определенных видов доходов.

Как известно из уставных и жалованных грамот XIV—XVI вв. наместникам и воеводам, «кормы» в собственном значении этого слова, обязательные при всех обстоятельствах, были двух видов. Один из них — «въездеж». По прибытии в назначенную ему в кормление местность наместник получал «въезжий корм». В грамотах он указывался как обязательный, но размер его не регламентировался. Учитывая, видимо, что население всегда заинтересовано расположить к себе нового управителя и понимает важность впечатлений от первой встречи для будущих взаимоотношений, составители грамот были уверены в получении наместником или воеводой «въезжего корма» в достаточном размере на добровольной основе: «На въезде воеводолю — кто что принесет, то ему зыти».¹⁹

Обязательные «корма» второго вида кормленщики получали по праздникам: на Рождество Христово, на Пасху и на Петров день.²⁰ Размеры праздничных кормов обозначены в уставных и жалованных грамотах довольно четко. Уже в XV в. в грамотах встречается стоимостная оценка собираемого по праздникам продовольствия и денежном выражении на тот случай, если наместник предпочтет получить корм деньгами. В уставной грамоте великого князя Ивана Васильевича белозерцам, выданной в 1488 г., рождественский корм определен таким образом: «На Рождество Христово наместникам нашим дадут корм ... с сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлебов десять денег, за бочку оха десять денег, за воз сена два алтына».²¹

Как следует из источников, соби́рание праздничных кормов, но уже без каких-либо грамот, продолжалось в качестве ревностно соблюдаемой традиции воеводами в XVII и в XVIII вв.

В расходной книге устюжского расходчика Силы Кузнецова, которую он вел исключительно для фиксации расходов на кормление

¹⁹ АИ. СПб., 1841. Т. I. № 137.

²⁰ По мнению А. Л. Станиславского, три праздничных корма наместники и воеводы начали получать лишь в конце XV в., а до этого в грамотах назывались корма на 2 праздника (Акт. XV—первой половины XVI в. из архива Олонецкой / Публикацию подгот. А. А. Станиславский // Советские архивы. 1989. № 5. С. 67—68).

²¹ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 123.

писца А. И. Лодыженского и подчиненных ему подьячих, среди записей 1676—1677 гг. находятся сообщения, свидетельствующие о собирании кормов к тем же праздничным дням, что и в XIV—XVI вв.: «Декабря в 27 день ходил к писцу Алексею Ивановичю Лодыжинскому з празнишным рождественским: несл хлеб да колач, дал 2 алтына, ему ж в почесть рубль 8 алтын 2 деньги; боярыне его 6 алтын 4 деньги, детем его 6 алтын 4 деньги, людем на весь двор 6 алтын 4 деньги. Того ж дни ходил к подьячему Алексею Ярофиеву: несл хлеб да колач, дал 2 алтына, ему ж в почесть рубль, людем 6 денег.

Апреля в ... день ходил к писцу Алексею Ивановичю Лодыжинскому з празнишным великоденным: несл хлеб да колач, дано 2 алтына, ему ж в почесть рубль 8 алтын 2 деньги; боярыне его 6 алтын 4 деньги, детем его 6 алтын 4 деньги, денщику 2 деньги. Того ж дни ходил к подьячему Алексею Ярофиеву: несл хлеб да колач, дал 2 алтына, ему ж в почесть рубль, людем его 6 денег.

Июня в ... день ходил на двор к писцу Алексею Ивановичю Лодыжинскому з празнишным петровским: несл хлеб да колач, дал 2 алтына, ему ж в почесть рубль 8 алтын 2 деньги, людем его на весь двор 6 алтын 4 деньги, денщику 2 деньги. Того ж дни ходил к подьячему Алексею Ярофиеву: несл хлеб да колач, дал 2 алтына, ему ж в почесть рубль, людем его 6 денег.²²

Нет никаких оснований полагать, что праздничные корма получали только писцы. Скорее можно предположить, что и писцы, и всеведи в одинаковой степени старательно соблюдали древний обычай праздничного кормления. Тот же А. И. Лодыженский оказался в писцах, имея и послужном списке и восхождение в Нарыме.²³ Получение кормов на праздники выглядит именно обычаем, ибо даже в кормовых грамотах писцов отсутствуют какие-либо упоминания о праздничных кормах.

Распространенность и незабываемость традиции собирания помещичьих праздничных кормов на протяжении двух веков подтверждаются новым источником из родового архива столбовых дворян Поздесевых,²⁴ разобранном и обработанном совсем недавно.

Один из представителей рода, помещик Кашинского уезда капитан Алексей Васильевич Поздеев, после 31 года службы в ландмилицейских полках был отставлен в 1754 г. в возрасте 46 лет от военной службы. В ранге коллежского асессора в 1759 г. он был определен в «Москве на Монетном дворе у приходу и расходу денежной казны золота, и серебра, и меди казначесом» (№ 4). В этой должности А. И. Поздеев находился, как явствует из выданного ему аттестата о безупречной службе, до 31 июля 1760 г. (№ 5), когда и был уволен, видимо в связи с назначением посводой Царевкокошайского уезда. Во всяком случае весной или в начале лета 1761 г. Поздеев сообщает о новом назначении своему знакомому в Углич, обращаясь к нему с просьбой подыскать подходящее судно для следования по Волге до города Санчурска (№ 36, л. 2 об.), ближайшей

²² Веселовский С. Б. Акты писцового дела 60—80-х годов XVII века. С. 179.

²³ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 146, 511.

²⁴ РГБ, ф. 1305. Далее ссылки на материалы фонда приводятся в тексте — номер единицы хранения и листы.

к Царевококшайской пристани. В июле 1761 г. он уже приступил к своим воеводским обязанностям (№ 17, л. 1). Закончилась его воеводская деятельность 8 февраля 1765 г. (№ 9). В архиве А. И. Поздеева отложилось довольно значительное количество документов, относящихся ко времени воеводства и названных им самим «царевококшайскими письмами».

Будучи человеком послепетровского времени, Поздеев, как и множество других дворян без значительного состояния, вынужден был относиться и к военной, и к гражданской службе со всей серьезностью, ибо жалование составляло существенную часть семейного бюджета. Но жалования, равного на штатской службе половине соответствующего по рангу воинского чина,²⁵ не хватало, и приходилось, подписывая векселя, занимать деньги в Государственном банке для дворянства под заклад небольшого родового поместья (№ 34, 35). Поэтому в назначении воеводой в Царевококшайск Поздеев увидел неплохую перспективу для улучшения своего материального положения.

В Царевококшайск Поздеев отправлялся подобно своим предшественникам, воеводам XVII в., и, заметим, кормленщикам Древней Руси, с семьей и дворней. В письме угличскому знакомому он просит искать большой струг, чтобы на нем можно было поместиться целым обозом: «А при мне будет мускова и женскова полу человек до 12, две коляски и две телеги, 6 или 4 лошади» (№ 36, л. 2 об.).

Как и все его коллеги, уездные и провинциальные воеводы, Поздеев не получал жалования за исполнение воеводских обязанностей.²⁶ С привилегированно-законной точки зрения воевода должен был содержать себя за счет доходов с собственных поместий. В реальной жизни проблема решалась чаще всего за счет подластного воеводе населения.

К решению задачи обеспечения себя, семьи и дворовых людей всем необходимым для жизни А. В. Поздеев отнесся как к делу наиболее важному. На его выполнение он мобилизовал все свои возможности и способности: понимание потомственным вотчинником крестьянской психологии, выработанные десятилетиями офицерской службы инициативность и требовательность в обращении с подчиненными и особенно знание и опыт канцелярской работы, приобретенные на Монетном дворе, где денежный счет требовал неослабного внимания, предельной тщательности и постоянной аккуратности.

А. В. Поздеев не пустил дело, как другие воеводы, на самотек, а поставил его под строгий постоянный контроль. Он завел только для личного пользования две тетради, в которых изо дня в день педантично фиксировал все доходы, получаемые им в качестве воеводы от населения уезда.

При определенных обстоятельствах эти тетради могли доставить Поздееву крупные неприятности, ибо их содержание отражало как раз все те действия воеводы, которые были ему запрещены и в многочисленных указах, издававшихся на протяжении XVIII в., квалифицировались как лихоимство, корыстолюбие, взятки и т. п. Тетради Поздеева содержали собственноручно внесенные им све-

²⁵ ПСЗ. Т. VII. № 4613.

²⁶ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 255, 267.

дения, которые следственные комиссии Сената собирали по крупным с большими трудностями и длительное время для обличения воевод, заподозренных в злоупотреблениях.²⁷ Иные из них понесли наказание только за отдельные случаи использования служебного положения в личных целях, в то время как в тетрадях Поздеева безобразно перечисляются ежедневные поборы во всех их разновидностях на протяжении трех лет.

Одна из них была озаглавлена самим Поздеевым как «Тетрадь записная челобитчикам», но поскольку так названый только одна из составляющих документ тетрадей, а вся рукопись состоит из нескольких разнородных частей и отдельных листов и заглавие первой тетради не отражает точно содержания всего документа, то при обработке фонда ему было дано другое название — «Записные книги всяких доходов от воеводской должности».²⁸ Среди прочих здесь имеются сведения, не оставляющие сомнений в том, что праздничные корма, которые должны были исчезнуть с отменой кормлений еще в XVI в., не были утрачены сменившими наместников и воеводителей воеводами даже в 60-е годы XVIII в.²⁹ Напротив, содержание рукописи А. В. Поздеева приводит к мысли о том, что праздничные корма приобрели из-за отсутствия какой-либо регламентации и обусловленного всевластием воеводы произвола и отношения с полностью бесправным населением такие свойства, о которых не могли мечтать древнерусские кормленщики в пору расцвета кормленной системы.

Во-первых, Поздеев собирал праздничные корма не дважды в год, как кормленщики до конца XV в., и не трижды в год, как наместники и воеводы XVI в., а четыре раза.³⁰ Кроме рождественского, великоденского и петровского кормов, он требовал и получал корм к Масленице.

²⁷ *Византизмский М. М.* Областная реформа... С. 284—350; *Голые К. В.* История областного управления... Т. 1. С. 234—256.

²⁸ РГБ, ф. 1305, сл. кр. № 17. Далее ссылки на эту рукопись приводятся в тексте с указанием только листов.

²⁹ В документах А. В. Поздеева отсутствуют слова «корм», «корма», «кормление», но содержание записей заставляет видеть в них сведения о доходах, непосредственно связанных с древней традицией кормления.

³⁰ Кормленный характер праздничных документов А. В. Поздеева подтверждают палеографические, каллиграфические и текстологические наблюдения. В списной из разбросанных тетрадей и отдельных листов рукописи праздничные корма представлены в виде отдельных, нумерованных по годам и снабженных самостоятельными заголовками разделов. Некоторые из них разбросаны среди прочих записей, в соответствии с общей хронологической последовательностью, другие написаны на отдельных листах и помещены в совершенно неожиданных местах, а реестры паскальского и петровского кормов 1762 г. следуют один за другим подряд на двух двойных листах (8—9 об.), только для этой цели, видимо, и предназначенных. (Вслед за ними Поздеев подвигает помещать еще один доходный реестр на л. 10—10 об., но л. 9 об., где записи петровского корма заняли всего две строчки, оставил незаполненным).

Большинство праздничных реестров содержит пометы Поздеева о должниках части или всего корма, позднейшие исправления и допущения о доставленных спустя какое-то время кормах. Неодновременность получения Поздеевым кормов к одному празднику привела к появлению двух дополняющих друг друга реестров продуктов на Паску 1763 г., исходящихся в разных местах рукописи — на л. 17 и 22.

Обосновленность и повторяемость праздничных реестров, а также признаки внимательной и длительной работы с ними указывают на то, что сам А. В. Поздеев придавал особое значение этому виду древних кормленных доходов и строго следил за их поступлением.

Дошедшие до нас источники не знают корма на Масленицу за всю обозримую историю кормления. Масленичный корм Поздеева — полная неожиданность, поэтому необходимо подтвердить получение воеводой доходов на Масленицу именно в данном качестве. Сделать это помогает сам Поздеев, который ежегодно фиксировал праздничные поступления и тем самым обозначил их регулярность.

В «Записных книгах всяких доходов от воеводской должности» сведений о праздничных кормах Поздеева в 1761 г. совсем нет. В 1762 г. он получил корма на Масленицу (л. 6 об.), на Пасху (л. 8), на Петров день (л. 8 об.) и на Рождество (л. 34 об.). В 1763 г. кормленный сбор состоялся на Масленицу (л. 16), на Пасху (л. 22) и на Петров день (л. 30). На Рождество в 1763 г. Поздеев не получил корма, возможно, из-за появления Манифеста от 15 декабря 1763 г. о введении жалования всем чиновникам и канцеляристам,³¹ устранявшего легальную возможность «кормиться от дел», а возможно, реестр рождественского корма 1763 г. просто не уцелел.

Таким образом, одинаковая повторяемость всех праздников, по которым царевкокшайский воевода собирал корма, не позволяет считать масленичный сбор Поздеева случайным, единичным подношением и заставляет признать его еще одним праздничным кормом.³² Во-вторых, из содержания реестров видно, что Поздеев неуклонно расширял круг людей, обязанных доставлять ему корма, в том числе и праздничный корм. Если в первом перечне, с заглавием «Получено к Масленице» и составленном в феврале 1762 г. (л. 6 об.), названы только 5 сотников и «старой крещен первостатейной», принесшие воеводе каждый «рыбы, масла, яиц», без указания количества продуктов, то, согласно реестру «1763 году января 24. К Масленице», доставили рыбы, «масла коровья» и яиц уже сотники 13 волостей, старокрещенский староста Игнатий Васильев и выборный деревни Кукмары из Малой Мананской волости Василий Иванов (л. 16). Размеры корма и здесь указаны не во всех записях, но их пределы можно установить на основании тех данных, которые Поздеев все же привел. Больше всех доставил на воеводский двор продуктов сотник самой крупной в уезде Большой Мананской волости Пайбарын. Он «принес» 22 фунта рыбы, 24 фунта масла и 70 яиц. Наименьшие взносы поступили от сотника Большой Ошлинской волости Аккыбая —

³¹ ИСЗ. Т. 44. Ч. II. № 11991.

³² Косепиным указанием на прями и обстоятельства возникновения обычая собирать праздничный корм на Масленицу могут служить сведения из грамоты «Сыдовских и Иренских татар» 1632 г., направленной в Новгородскую чету. В ней, в частности, указывается, что им целено «платить по вашей государеве грамоте в вашу государеву казну по 12 сороков по 30 по 2 коуницы на год, на срок — на Масленую неделю...» (Воскресский С. В. Акты писцового дела... Т. 2. Вып. 1. С. 235). Из этого сообщения выстраивается предположение о том, что масленичный корм мог возникнуть в связи с уплатой ясака на Масленицу.

За своевременный и полный сбор ясака отвечали перед центральными органами власти непосредственно воеводы, перед которыми открывались широкие возможности при исполнении служебных обязанностей удовлетворить личный интерес. Сама процедура уплаты ясачным населением меховой подати сопровождалась добротными и вынужденными подношениями воеводе (Покровский Н. Н. Томск 1648—1649 гг.: Воеводская власть и земские миря. Новосибирск, 1989. С. 97, 113—115). Таким образом, масленичный корм мог возникнуть в ясачных уездах Среднего Поволжья из практики воеводских выборов при уплате ясака на Масленицу, ставших постепенно традиционными и получивших вид еще одного праздничного корма.

«рыбы и масла 5 фун.» и от сотника волости Малой Орши Афанаса — «принес масла 5 фун., рыбы 9 фун.». Суммарный итог масленичного корма в 1763 г., по имеющимся в перечне данным, составил 74,5 фунта масла, 87 фунтов рыбы и 70 яиц. Но весь доход следует увеличить не менее чем в два раза, ибо из 15 записей в восьми совсем нет цифровых данных, а еще в двух указан вес только масла.

Собран в феврале 1762 г. масленичный корм, Поздеев изыскал после 5 апреля за сбор великоденского корма. Восвода учел опыт предыдущего праздничного сбора, который свидетельствовал о нежелании крестьян «кормить» послоду с семьей и его людей и о необходимости энергичного воздействия на выборных крестьянских представителей. Какими были эти меры — неизвестно, но что они имели место, сомневаться трудно из-за сведений в реестре пасхального сбора. К Пасхе 1762 г. корм доставили на восводский двор уже 9 сотников из 9 волостей, «дворцовой» и «старокрещенской» старосты, выборный от русских Большой Мананской волости Степан Иванов сын Горелый, винный целовальник и некто, доставивший говядину от купцов «от соляных от Сидина и Санникова» (л. 8). К тому же Поздеев проявил восводскую твердость и заставил сотника Кокшамучинской волости Ивана Яковлева принести «тушу баранью» через 2 месяца после сбора — 30 мая (л. 8 об.).

Общий итог великоденского сбора 1762 г. выглядит намного внушительнее по сравнению с масленичным. Весь корм включил в себя 1 гуся, 3 «части» говядины, полоть свинины, 6 целых бараньих туш и 3 их «части», 275 яиц и 80 копеек. Сбор с крестьян пасхального восводского корма был для сотников делом, по-видимому, нелегким. Сотникам волостей Великопольской и Малой Орши пришлось объединиться, чтобы доставить «опыше свинины 1 полоть, яиц 50» (л. 8).

Как следует из этого реестра, великоденский корм восьмидесяти 60-х годов XVIII в. выглядит заметно разнообразнее пасхального сбора кормленщика XVI в.: «А на Велик день с семи ж деревень дадут водостелю корм: боран, десятерю хлебов...». ³³ Поздеев же получил яйца, птицу, говядину, свинину и баранов. Среднюю норму взноса составили 1 баранья туша и 30 яиц от волости. Именно столько принесли на восводский двор от Коминской, Мазарской, Большой Опшинской волостей и староста «старокрещенской».

Великоденский корм 1763 г. отражен в двух реестрах с совершенно одинаковыми заголовками: «1763 году. К Светлому Христу Воскресению» (л. 17, 22). Появление двух перечней объясняется тем, что не в одно время доставленные продукты были записаны каждый раз отдельно. Согласно реестрам, в которых на этот раз все сведения указаны точно, хотя и не всегда в сопоставимых выражениях, восвода получил от сотников из 9 волостей, от «старокрещенского» старосты и выборного «от русских» Малой Мананской волости примерно столько же, сколько на Пасху в 1762 г. — около 6 пудов говядины, 66 фунтов свинины и окорок, 1,5 бараньи туши, 2 гуся, 3 курицы и 155 яиц.

Петровский корм, собиравшийся к Петрову дню, относится, как и корм на Пасху, к праздничным кормам древней традиции. В

³³ АИ. Т. I. № 137.

«Записных книгах всяких доходов от воеводской должности» собранные к этому дню корма также оформлены Поздеевым в виде отдельных реестров. Первый из них на л. 8 об.— 9 об. имеет заголовок «762 году июня 28» и после девяти записей — подзаголовок «Х Петрову дъни», появление которого вызвано, вероятно, тем, что группа сотников доставила корма в другие дни.

Весь реестр состоит из 19 записей, согласно которым сотники тринадцати волостей, староста Новокрещенской волости Игнатий Васильев, монастырские крестьяне, выборный от русских Большой Маманской волости Горелов, выборный от деревни Кукмары, дворцовый староста Гаврила Таланцов, «дворцовой волости крестьяне, что держались из лугов», «Коминской волости деревни Мамяровы Абрам Минаев» и толмач привезли 20 овец и баранов, принесли 90 яиц и 40 копеек. Кормленщик XVI в. получил: «А на Петров день с семи ж деревень дадут волостелю корм: боран, десятеро хлебов».¹⁴

Содержание списка петровских кормов выявляет, несмотря на лаконичность записей, некоторые нюансы поведения воеводы и его взаимоотношений с крестьянами по поводу праздничных кормлений.

А. В. Поздеев был человеком безусловно творческим в делах воеводского кормления. Он умело использовал опыт, приобретенный при сборе мысленичского и пеликоденского кормов. Общий доход от сбора петровского корма 1762 г. выглядит несомненным успехом воеводы в его стремлении получить как можно больший корм. Успех был достигнут не случайно, а в результате продуманных действий. При сборе петровского корма 1762 г. Поздеев почти полностью оформил и осуществил на практике эффективную методику, которая обеспечила ему максимально плодотворное кормление в дальнейшем, и не только в связи с традиционными праздниками. В первую очередь обращает на себя внимание принцип многократности наборов. В реестре петровского корма 1762 г. хорошо заметно, что к его уплате были привлечены через волостных сотников крестьяне всего уезда. Кроме того, они были охвачены сбором по отдельным обществам, выделенным ноской по отдельному признаку или по принадлежности к той или иной категории феодальной зависимости крестьян: русские, «новокрещены»-марийцы, государственные, дворцовые, монастырские крестьяне.

Обозначена в данном реестре и форма контроля за доставкой кормов. Она еще несовершенна (отметки делаются в реестре, который создается по мере поступления кормов, а не по заранее составленным спискам), но уже действенна. Так, 28 июня сотник Большой Маманской волости Пайбарыш привез одного барана. Поздееву такой вклад в петровский корм крупнейшей волости уезда показался недостаточным. Он заставил Пайбарыша увеличить взнос вдвое, что видно из пометы Поздеева, написанной другими чернилами выше и в конце строки: «Еще привес барана 1» (л. 8 об.).

Собирая петровский корм, Поздеев проявил еще большую настойчивость, чем при сборе на Пасху. Хотя он начал записывать привезенные корма 28 июня и даже подвел итог поступлениям за этот день: «Итого 12», он не забывал, что не все из тех, кто должен был

¹⁴ Там же.

уплатить и кормленный воеводский доход, выполнили свою обязанность. Поэтому сведения о доставке петровского корма находятся в записях от 17, 21, 24 июля (л. 9) и даже от 18 и 21 августа (л. 9 об.).

С другой стороны, для крестьян уезда воеводский кормленный оброк на Петров день был тяжелой повинностью, заставлявшей их прибегать к разным уловкам. Одни из них пытались отделаться малым взносом, как Пайбарыш или сотник Большой Оштинской волости Мещер. Последний принес воеводе 50 яиц и, конечно, не удовлетворил Поздеева, который заставил его внести оброк сполна, о чем говорит более поздняя отметка Поздеева в конце строки: «Привес овцу 1» (л. 8 об.). Сотник волости Большой Орши Ямадак и сотник Шумаринской волости Акельда, объединившись, все же ухитрились уменьшить свой пай в общий корм, передав воеводе вдвоем только одну овцу, сколько-то яиц и 40 копеек, но, возможно, Поздеев удовлетворялся этим в связи с тем, что часть взноса была доставлена деньгами.

Другие делали, видимо, попытки совсем уклониться от петровского сбора, затягивая расплату с воеводой, но безуспешно, ибо им все равно пришлось платить хотя бы и через 2 месяца после начала сбора.

Тяжесть воеводских кормленных поборов очевидна. В то самое время, когда собирался для Поздеева петровский корм, канцеляристы передавали ему незаконно собранные при проведении 3-й ревизии деньги (л. 8 об.—9). С 5 июля волостные сотники платили воеводе собранные опять же с крестьян деньги за «скаски о ворах и разбойниках» (л. 10—10 об.). Уже в июле волостные сотники подносили воеводе деньги и мел за разрешение на отсрочку дорожных работ (л. 13). Создается впечатление, что основной обязанностью сотников, выборных и старост было непрерывное собирание с крестьян всевозможных податей для воеводы-кормленщика. При этом имеются в виду только воеводские доходы, а не государственные налоги, которые собирались своим чередом.

Список уплативших петровский корм в 1763 г. (л. 30—30 об.) излагался таким образом: «1763 году. Реестр, кто которых волостей сотники что привезли к Петрову дню. А именно».

Сотники 13 волостей, выборный от русских Большой Мананской волости, дворцовый староста, выборный деревни Кукмары Лавринов, монастырские крестьяне, Федор Михайлов из Азаковской волости, который принес барана «по прозбе», доставили 21 барана, из одного больше, чем и предшествовавшем году. Видимо, Поздеев считал количество в 20—21 барана оптимальным для крестьянских возможностей. Список 1763 г. беднее реестра 1762 г. информацией о противоборстве интересов воеводы и крестьянского мира. Сбор петровского корма в 1763 г. выглядит уже хорошо отработанным процессом. Приложенными в предшествовавшем году усилиями Поздеев добился и признания всеми, от кого он требовал, необходимости в обязательном порядке платить петровский корм, и согласия на определенную норму взноса. Для всех волостей она равнялась одному барану, а сотник Большой Мананской волости привез в 1763 г. без какого-либо промедления двух баранов (л. 30). Правда, сбор петровского корма закончился хотя и раньше, чем в 1762 г., но все же 15 августа. Однако причина задержки, скорее всего, не в сопротивлении

воеводе, а в том, что сотники некоторых волостей не могли доставить корм в срок из-за оскудения уездных крестьян от поздеевского кормления. В 1763 г. крестьяне находились в худшем положении, чем даже летом 1762 г. Они вынуждены были неоднократно платить воеводе за отсрочки ремонтных работ на дорогах в продолжение всего лета, начиная с 27 мая (л. 23 об.—24), сначала деньгами, а затем натуральными продуктами, главным образом медом. Нет причин полагать, что воевода освободил их от уплаты своего оброка за различные сказки и т. п. Такое предположение отрицается целым рядом других доходных перечней, среди которых имеется один с весьма красноречивым заглавием: «1763 году. Реестр от платежа подушных денег, хто что из своей добровольной дачи принесет» (л. 23).

Из реестра кормов, собранных на Рождество, видно, что к концу 1762 г. Поздеевым были успешно решены все связанные со сбором праздничных кормов проблемы. Он преодолел скрытое сопротивление волостей при уплате праздничных кормов, заставил ответственных перед ним людей из крестьянской администрации подчиниться самим установленному им порядку и подчинить всех крестьян. Как следует из реестра, названного Поздеевым «1762 году. Записка декабря 22 дня, от которых волостей что принесено к Рождеству Христу живности, значит ниже сего» (л. 34 об.), сотники тринадцати волостей доставили на воеводский двор без всякой волокиты определенную, вероятно, Поздеевым норму воеводского корма — по одной свиной туше от волости. Лишь «Азаковской волости сотник Михайло Семенов принес вместо туши окорок и лопаток 5» (л. 34 об.). Из Малой Мананской волости свиные туши привезли 2 человека: «новой выборной Василий Иванов» и сотник Ямет. Из Большой Мананской волости привезли по туше сотник Папбарыш, выборный от русских Алексей Алексеев и «Большой Мананской выборной с Танахпасем». Весь доход воеводы от праздничного рождественского корма составил 15 свиных туш, один окорок и 5 лопаток. Только рождественским кормом Поздеев обеспечил воеводский двор мясом и салом на весь год.

Рассмотрев реестры праздничных кормлений Поздеева в «Записных книгах всяких доходов от воеводской должности», суммируем наблюдения по поводу этого вида воеводского кормления.

Отсутствие сведений в рукописи о праздничных сборах в 1761 г., малочисленность волостей, доставивших продовольствие на Масленицу и на Пасху 1762 г., попытки сотников в том же году уклониться от уплаты корма на Петров день приводят к мысли о том, что Поздееву пришлось отстаивать свое «законное право» на получение праздничных кормов в борьбе с крестьянским миром. Традиция сбора воеводских кормов по праздникам оказалась, по-видимому, нарушенной либо вообще, либо из-за смены воевод в 1761 г. Возможно, крестьяне уезда попытались воспользоваться этим случаем, чтобы совсем избавиться от тяжелых и незаконных поборов, проверяя решительность и настойчивость нового воеводы. Однако сопротивление крестьянского мира было крайне робким, а решимость Поздеева добиться праздничных кормленных доходов, исконно принадлежавших управителям в лице наместников и волостелей, а затем воевод, — столь непреклонна, что он довольно легко сломил непокорность крестьян. Уже сбор петровского корма в 1762 г. показал,

что Поздеев «навел порядок», восстановил традиционную обязанность населения уезда платить праздничные поеводские корма. Реестры праздничных кормов на Рождество 1762 г. и на все праздники 1763 г. демонстрируют стабильность во взаимоотношениях воевод с крестьянским миром уезда, несмотря на явное усиление эксплуатации последнего.

Реестры праздничных кормов Поздеева выявляют еще одну особенность его кормления. Он с успехом распорядился в личных интересах приобретенным на военной службе и во время работы на Монашском дворе знанием бюрократической техники государственного делопроизводства. Крайне озабоченный, подобно всем своим предшественникам-кормленщикам, желанием получить от управления уездом как можно больший доход, воевода не гнушался сугубо канцелярской работы по ведению личного делопроизводства, не находил обременительным для себя фиксировать изо дня в день в виде отдельных записей или реестров незаконные кормленные поступления. Его труды вполне окупались, ибо, составляя реестры праздничных кормов, Поздеев обеспечил себе возможность сравнивать доходы на разные праздники одного года и на одни и те же праздники за разные годы и контролировать доставку кормов в максимальных размерах.

Увеличение кормленных доходов достигалось не только за счет сохранения древней традиции праздничного кормления и совершенствования техники сбора кормов, но и увеличения общего числа праздников, по которым крестьяне вынуждались к поставке воеводе продовольствия и денег. Неизвестный по источникам кормленный сбор на Масленицу имел в Царевokokшайском уезде в 1762—1763 гг. такое же значение, как и другие праздничные корма, сохранившиеся с XVI в.

Итак, собственноручные записи А. В. Поздеева содержат неоспоримые свидетельства сохранения в воеводской практике 60-х годов XVIII в. одного из главных атрибутов древнерусского кормления — праздничных кормов. Действия этого царевokokшайского воеводы по их сбору и сбору представляют собой типичные действия кормленщиков русского средневековья, поставленных в более благоприятное положение.

М. М. Богословский писал по поводу злоупотреблений «областной администрации», вскрытых в Нижегородской губ. ревизией 1725 г.: «...и нет никаких оснований думать, что обычаи этой губернии были исключительным явлением».³⁵ Эти слова с полным основанием могут быть отнесены и к праздничному кормлению царевokokшайского воеводы. Более того, до нас дошел источник, прямо указывающий на повсеместное распространение праздничных кормлений в Среднем Поволжье вообще и в Казанской губ., в состав которой входил Царевokokшайский уезд, в частности.

В 1763 г., т. е. во время поздеевского воеводства в Царевokokшайске, по высочайшему соизволению «отправлен был в Казанскую, Нижегородскую и Оренбургскую губернии для освидетельствования принадлежащих к флоту дубовых лесов и рощ и для разведывания о причине бедности в Казанской губернии жителей» А. И. Свечин.³⁶ Он

³⁵ Богословский М. М. Областная реформа. С. 267.

³⁶ «Путешествие». Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки. М.; Л., 1929. С. 373.

добросовестно выполнил поручение, без труда вскрыл причины бедности населения, которые усмотрел в бесчисленности копиющих злоупотреблений властей всех уровней. Свои наблюдения и соображения А. И. Свечин изложил в представленном императрице «Экстракте». Перечисляя виды противозаконных действий и способы ограбления крестьян, он, в частности, отмечал: «Казанской губернии, в Пермской и в прочих той провинции приписных городах воеводы якобы во время праздников Рождества Христова и Святых Пасхи езжали з женами и з детьми по уезду для славленья и збирали с каждого двора по десети копеек и больше. А хотя ныне уже и не ездили, но так сие введено во обычай, что сию за славленья сумму, собирая с народу, к воеводе привозили».¹⁷

А. И. Свечин сообщил не только о повсеместности, но и о широкой распространенности праздничных кормлений по всех сферах уездной, провинциальной и губернской администрации. Кроме уездных и провинциальных воевод, собиранием праздничных кормов занимались канцеляристы всех канцелярий: «К праздничным же, яко то: к Рождеству и Воскресению Христову, к Троице и к Петрову дням, в те места посылали от себя нарочных и требовали деньгами, баранами, свинными тушами, медом и прочею живностью; кои по утробленности и по незнанию своему, надеясь избавиться того штрафи, по требованиям их и отсылали».¹⁸

Таким образом, праздничные кормления А. В. Поздеева — это детально описанный самим воеводой, хорошо сохранявшийся до 60-х годов XVIII в. и широко практикуемый обычай древнего кормления.

¹⁷ Там же. С. 30.

¹⁸ Там же. С. 31.